

Кононов Илья Федорович,
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и
социологии Луганского национального
университета имени Тараса Шевченко
(Украина)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются существующие теоретические подходы к социальной природе глобализации, и анализируется понятийный тезаурус глобализационного дискурса. Предлагается взгляд на глобализацию в её современной форме как на классовый проект транснациональной буржуазии. Вместе с тем отмечается, что глобализация имеет и более глубокие корни, связанные со становлением общества Второго модерна.

Введение.

Данный текст представляет собой опыт соотношения понятий, используемых для описания того социального процесса, который получил название глобализации. Таким образом, по задаче он соответствует виду теоретической деятельности, которую Р. Мертон определял как «анализ социологических понятий». Американский социолог отмечал, что набор понятий – это еще не теория. «Поскольку у социологов существует сильное предубеждение по отношению к теории, эта мысль, возможно, возникла как протест против взглядов тех, кто отождествляет теорию с уточнением определений, кто ошибочно принимает часть теоретического анализа за целое. Теория начинается с того, что такие понятия обретают взаимосвязь и образуют систему» [1, с.193]. В этом случае понятия позволяют отражать переменные. Благодаря этому можно строить гипотезы и проверять их, получая новые знания о социальной реальности.

Если пользоваться понятиями бессистемно, то в науке может возникнуть ситуация «пустых бочек с бензином». Р. Мертон говорит, что «понятие «пустой» используется здесь двусмысленно: как синоним «бессилия, инертности, ничто» и как термин, применяемый к физическим ситуациям без учета таких «несущественных моментов», как пары и остатки жидкости в контейнере. Выраженное в понятии представление о ситуации имеет второй смысл, а реагируют на эти понятия в первом, и в результате «пустые» бочки становятся очагами пожара» [1, с. 196]. Возле пустых бочек глобализация тоже постоянно кто-то пытается закурить, принимая её за благостную интернационализацию общественной жизни.

Результатом стало практическое бессилие лиц, руководящих государствами, когда разразился мировой финансовый кризис. Уже год политические лидеры и руководители экономических структур констатируют серьезность положения в мировой экономике. Дж. Сорос в начале 2008 г. даже определил ситуацию как «худший рыночный кризис за последние 60 лет» [2]. Однако ситуацию не удалось взять под контроль. Сейчас среди западных экономистов распространяется представление, что нынешний кризис – это плата за грехи рейганомики и тэтчеризма. Именно страны, следовавшие рецептам неоконсерватизма, стали источником мирового кризиса и очагами его распространения на планете. Французский экономист Ж. Сапир пишет: «В основном это кризис экономической модели, которую с 1980 г. выращивали «консервативные революции». Это также кризис экономического мирового порядка, который называют «глобализация»» [3, с.92].

В связи с этим важно разобраться с тем, можно ли отождествлять глобализацию с последствиями «консервативной революции». Это вопрос не праздный. Соглашаясь с тем, что «выход из кризиса связан с разрушением части институциональной основы,

которую мы унаследовали от «консервативной революции» [3, с.93], должны ли мы ожидать и сворачивания глобализационных процессов? Может быть, она сменится эпохой усиления национальных государств? Эти вопросы останутся без четких ответов, пока не будет ясной понятийной системы, описывающей эту реальность.

Свое дальнейшее рассмотрение я построю по следующей схеме. Вначале я остановлюсь на смыслах, которые вкладываются в научной литературе в понятие «глобализация». В результате попытаюсь ответить на вопрос: почему в социологии и других общественных науках сложилась болезненная ситуация, когда одним термином фактически обозначают разные понятия. Далее глобализация будет поставлена в более широкий контекст судьбы проекта модерна. Завершу рассмотрение анализом влияния глобализационного дискурса на понимания общества и возникающими отсюда практическими интенциями в политической сфере.

Глобализация: один термин, но разные понятия

Анализируя болезненную ситуацию с термином «глобализация» в современном обществознании, воспользуюсь дихотомическим принципом деления подходов, существующих в науке. Это в определенной мере упростит ситуацию, так как придется обращать внимания на теоретические экстремы. Но, с другой стороны, это сделает ситуацию понятнее.

Начну с того, что все подходы к глобализации можно разделить по следующему принципу. Одна часть авторов рассматривают глобализацию как объективный, закономерный процесс, другая – видят в ней конструкт определенных политических сил. В западной социологии первую группу в дальнейшем рассмотрении будут представлять Э. Гидденс и У. Бек, в украинской социологии - А. Арсеенко и Ю. Павленко. Приведу наиболее репрезентативные высказывания. Э. Гидденс говорит: «Это вовсе не тот глобальный строй, - во всяком случае, пока, - которым руководит коллективная человеческая воля. Более того, его появление является анархичным и бессистемным, сопровождающимся путаницей влияний» [4, с.19]. Ульрих Бек пишет: «"Глобализация" – это нелинейный диалектический процесс, в котором глобальное и локальное существуют не как культурные противоположности, а как имплицитные друг друга взаимосвязанные принципы» [5, с.25]. Пока воздержусь от комментирования приведенных высказываний, констатировав признание авторами объективности самого процесса.

Конструктивистский подход к глобализации можно встретить у Александра Панарина, который различал «глобализм Просвещения» и «эзотерический глобализм правящих элит» [6, с.47]. Глобализация выглядит в этом случае как реализация некоего проекта, носителем которого является определенная социальная группа.

И. Валлерстайн вообще рассматривает концепт глобализации как теоретически ложный. По его мнению, никаких принципиальных изменений в мировой капиталистической системе в последние десятилетия не произошло: «Хотя сегодня стало модным говорить о глобализации как о феномене, относящемся самое раннее к 70-м годам XX столетия, на деле транснациональные товарные цепочки хорошо известны с тех времен, когда система лишь зарождалась, и приобрели глобальный характер еще во второй половине XIX века. Разумеется, прогресс технологий открыл возможности транспортировки огромных масс товаров на значительные расстояния, но я рискну утверждать, что структура и функционирование товарных цепочек не претерпели в XX веке кардинальных изменений, и таковые вряд ли произойдут даже под воздействием так называемой информационной революции» [7, с.82]. Чуть дальше мы вернемся к концепции И. Валлерстайна. Сейчас же отмечу, что он связывает концепт глобализации с интересами властных групп в современном мире. Фактически этот концепт выполняет манипулятивные функции: «Такие суждения являются ничем иным, как абсолютно неверным истолкованием сегодняшней реальности – обманом, навязанным нам властными группами, который является еще более сильным, чем тот, которому мы сами

поддаёмся часто от безысходности. Эти суждения приводят нас к игнорированию реальных проблем, которые стоят перед нами, а также к непониманию реального кризиса, в котором мы оказались» [8, с.49].

При втором дихотомическом делении в рамках направления, признающего объективность глобализации, можно выделить количественный и качественный подходы к этому феномену. Определения, данные в рамках первого подхода, предлагают даже для студентов: «Если попробовать выделить то общее, что есть в различных определениях глобализации, то её можно определить **как процесс количественного роста и интенсификации политических, экономических, социальных, правовых, культурных связей и отношений государств мира, всё большей интеграции человечества**»[9, с.73]. Примеров подобного рода в мировой литературе нет числа. А. Г. Франк в своих последних работах доказывал, что человечество всегда существовало, как некое системное образование. Весь исторический период его существования нужно писать как историю мировой системы. В её пределах постоянно можно найти примеры количественно усиления связей между элементами[10]. Исследователь из Великобритании Тони Спайби связывает глобализацию с процессами развития Запада после открытия Колумбом Америки. Европа стала носителем глобализационного проекта, так как она развивалась как культурная целостность при отсутствии политического единства. Факторами глобализации были европейский колониализм, попадание мировой экономики под влияние европейского капитализма и превращение западной культуры во всемирную культуру[11, с.79].

Качественный подход к глобализации предполагает, что в наше время с человечеством произошло нечто, чего до этого не было. У него появилось некое новое системное качество. Диапазон определений этого нового качества очень широкий – от признания глобализации новым этапом целостности человечества до провозглашения её новой формой колониализма. Некоторые авторы пытаются синтезировать эти подходы, указывая на амбивалентность процесса. Это характерно для работ украинского исследователя Юрия Павленко. С его точки зрения, с одной стороны «сущностью глобализации, видимо, является превращение человечества в единую структурно-функциональную систему, в которой – в идеале – отдельные элементы, блоки, подсистемы будут работать на обеспечение друг друга. В этой связи сегодня бросается в глаза разительное неравноправие образующих глобальную цивилизацию компонентов и все возрастающий разрыв между ее ведущим звеном – Западом, группой наиболее развитых стран, вышедших на уровень информационного общества, и прочим человечеством, разительно отстающим от мировых лидеров» [12, с.572].

Анатолий Арсеенко на основе огромного количества исследований западных и отечественных ученых сделал вывод, что сущностью глобализации является формирование системы транснационального капитализма. Эта система не может рассматриваться как совокупность национальных капитализмов, а является специфической надстройкой над всеми национальными рынками. Носителем этого процесса является особый социальный слой – транснациональная буржуазия. Экономические структуры глобализации формируются мировым финансовым рынком, неподвластным национальному контролю, транснациональными банками (ТНБ) и транснациональными корпорациями (ТНК) [13]. С моей точки зрения, подход Анатолия Арсеенко является одним из наиболее продуктивных при определении социального качества глобализации. Он эмпирически верифицируем. На его основе можно строить гипотезы, которые позволят получить новую информацию о современном мире.

В особом обсуждении нуждается позиция И. Валлерстайна. Он является одним из создателей мир-системного анализа. Американский исследователь неоднократно подчеркивал, что «...миро-системный анализ определенно не является теорией и даже способом теоретизирования, это лишь точка зрения и критика других точек зрения. Эта критика обладает значительной мощью, и лично я считаю, что она разрушительна для

многих положений современного обществознания» [7, с.264]. Одним из главных объектов критики для И. Валлерстайна всегда была теория модернизации. Её он не принимает по нескольким причинам. Во-первых, модернизационная теория игнорирует структурные особенности капиталистической экономической системы. В этой системе всегда будет центр, полупериферия и периферия. Центр снимает геоэкономическую ренту со всего мира и является местом накопления капитала. Свою позицию центр отстаивает и будет отстаивать всеми возможными средствами. Но суть даже не в силовом взаимодействии центра и периферии. Мировая капиталистическая система устроена иерархически. Уже эти структурные особенности обуславливают неравенство стран в её пределах. Во-вторых, теория модернизации, по мнению И. Валлерстайна, аисторична. Она принуждает смотреть на мировое развитие как на телеологический процесс, в котором целью являются западные институты. В одном из своих выступлений он выразился следующим образом: «Основной недостаток всех понятий, связанных с теорией модернизации, состоит в том, что они слишком аисторичны. В конце концов, современный мир не возник ниоткуда. Его рождение означало трансформацию особого варианта редистрибутивного способа производства. Этот процесс предполагал усиление государственных структур в зоне ядра европейской мир-экономики и их соответствующее ослабление на её периферии» [14, с.23]. По мнению американского ученого, мировая капиталистическая система возникла в период «длинного XVI века». В своем развитии она прошла несколько этапов. Позволю себе привести еще одну длинную цитату. «...Историческая география современной нам структуры характеризуется тремя главными моментами. Во-первых, это этап исторического формирования, продолжавшийся с 1450 по 1750 год, когда миро-система модернизировать охватила большую часть Европы (за исключением России и Оттоманской империи), а также некоторые части Американского континента. Во-вторых, это мощная экспансия с 1750 по 1850 год, когда в систему были включены Россия, Оттоманская империя, Южная и отдельные части Юго-Восточной Азии, значительные территории в Западной Африке, а также оставшаяся часть обеих Америк. В-третьих, - последнее расширение в период 1850 – 1900 годов, когда в систему разделения труда были инкорпорированы Восточная Азия, ряд регионов Африки, не затронутые ранее этим процессом территории Юго-Восточной Азии и Океании. На этом этапе капиталистическое миро-хозяйство впервые обрело поистине глобальный характер» [7, с.82]. Становление мировой капиталистической системы – это именно исторический процесс. Те страны, которые заняли в ней, пусть и в силу случайных обстоятельств, положение центра, не сместятся на периферию, пока система будет существовать. Но и страны периферии в этих условиях обречены на воспроизводство неразвитости. Страны полупериферии занимают место между этими полюсами системы, будучи по отношению к центру периферийными, но проводящими его воздействия на периферию и снимающими благодаря этому часть ренты. В-третьих, теория модернизации является идеологической, а, следовательно, выполняет манипулятивные функции. Она сеет иллюзии среди лидеров стран периферии, что, проводя вестернизационную политику, они смогут достичь того же уровня жизни, что и в странах Запада. Евроцентрические иллюзии сеют во всех других частях мира ощущение собственной неполноценности и формируют зависимость в выборе пути развития от Запада.

Я не случайно такое внимание уделил критике И. Валлерстайном теории модернизации. Он пишет: «Старые теории никогда не умирают и обычно не исчезают бесследно. Они сначала притворяются погибшими, а затем мутируют» [7, с.264]. Американский социолог в теории глобализации и усматривает патогенную мутацию теории модернизации. С одной стороны, она сеет иллюзии выравнивания положения всех субъектов мирового развития. Во-вторых, она неверно представляет возникновение социального единства на нашей планете. Формируется ложное представление, что это единство сформировалось только во второй половине XX века. В-третьих, затирается социальное качество этого единства, игнорируется его капиталистическая природа.

Между тем, закон стоимости позволяет понять не только её генезис и развитие, но и предсказать её гибель. Теория же глобализации создает иллюзию, что человечество вступило в какую-то принципиально новую эпоху, которой не видно конца. То есть, миру предлагается некая утопия, но утопия, призванная манипулировать сознанием миллиардов людей. По мнению И. Валлерстайна мы живем в период, когда мировая капиталистическая система испытывает глубочайший кризис. Возможно, что она приближается к гибели. В этих условиях дать себя увлечь разговорами о глобализации – значит отказаться от того выбора, который мы должны сделать. Для этого выбора необходимо четко понимать сущность современного момента. Неверное поведение в ситуации выбора может привести к формированию «худшего из миров». Он пишет: «Это первый выбор, в который вовлечен весь мир, поскольку историческая система, в которой мы живем, впервые охватывает всю планету. Исторический выбор – это моральный выбор, но рациональный анализ социологов может сделать его осмысленным и, таким образом, определить нашу моральную и интеллектуальную ответственность» [7, с.183].

Чтобы сделать первые выводы о подходах к определению глобализации необходимо обратиться к эмпирическому материалу. Вначале хочу привлечь внимание ко времени распространения самого концепта глобализации. Думаю, вполне справедливо Г. Тернборн связывает лавинообразное увеличение потока публикаций о глобализации с двумя работами, вышедшими в 1992 г. (Ianni O. A Sociedade Global. – Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 1992; Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London: Sage, 1992) [15, с.149 - 150]. Это достаточно симптоматично. Концепт глобализации стал ответом на изменения в мире, прежде всего на крушение Советского Союза и гибель мировой социалистической системы. Мировая капиталистическая система восстановила свою целостность. Исчез альтернативный центр мирового развития. В этом плане генезис концепта глобализации близок печально известной идее «конца истории» Ф. Фукуямы. При своем возникновении концепт глобализации был идеологически насыщенным. Он нес посыл торжества либерального капитализма в мировом масштабе. Научным же в нем было содержание, связанное с констатацией нового состояния мировой капиталистической системы. И в этом плане идея глобализации не во всем расходится с мир-системным анализом. Но прежде, чем развить этот вывод обращусь к характеристикам процессов, охваченных термином «глобализация».

Во-первых, часть из них прямо связаны с технологическими достижениями 70 – 90-х годов XX века. Чтобы не говорить банальности, только перечислю те достижения, которые подготовили почву для новых социальных взаимодействий: возникновение персональных компьютеров, создание глобальной системы космической связи, возникновение Интернета, появление мобильных телефонов и т.д. Именно эти технологические новшества способствовали быстрому прогрессу сетевых социальных структур, которые получили возможность в режиме реального времени функционировать в планетарном масштабе как социальные целостности. Попутно замечу, что эти технологические новшества, несмотря на их большие социальные последствия, вызывают весьма противоречивые оценки. Сейчас интеллектуалы все чаще пишут о негативных последствиях научных открытий и технологических новшеств. Скажем, Интернет сделал возможным кибертерроризм [16, с.94]. Вообще, осмысление этих новшеств в мировом интеллектуальном сообществе скорее напоминает анализ мутаций в мире вирусов, нежели взгляд на прогресс человеческого разума. В связи с этим еще раз напомним о словах Э. Гидденса об анархичности и бессистемности изменений, вызвавших глобализацию.

Следует обратить внимание на то, что коммерческий эффект названных технологических новшеств отодвинул на второй план целые направления развития науки и техники, с которыми на предыдущем этапе связывали судьбу человечества. Это, прежде всего, касается освоения далекого космоса. Эта переориентация ресурсных потоков может сказаться и замедлением в других фундаментальных исследованиях физической реальности. Однако, именно названные технологические новшества сделали возможной

принципиально иную степень единства человечества. Уже сейчас оно функционирует как реальное информационное единство. Но форма этого единства зависит от социальных характеристик рассматриваемого процесса.

Таким образом, во-вторых, мы и должны остановиться на социальных процессах, характеризующих глобализацию. Конечно, в данном случае рассмотрение будет весьма фрагментарным. Начну с того, что формирование транснациональной капиталистической надстройки было обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов. Объективным фактором был поиск капиталистическими экономистами Запада способов экстернализации издержек производства. Государство всеобщего благосостояния делало невозможным многие старые пути. Трудящиеся добились высокого уровня оплаты труда. Государства повышали экологические стандарты. Собственно, для капиталистической экономики именно демократические государства стали препятствием в дальнейшем развитии. Выходов вырисовывалось два – или развитие и превращение в систему элементов социализма, которые были существенными в устройстве ведущих стран Запада, или же – возврат к рыночному фундаментализму, предполагавшему минимизацию государственного вмешательства в экономику. Эта дилемма до настоящего времени серьезно не была осмыслена. В условиях холодной войны развитие событий пошло по наихудшему сценарию. Совершенно справедливо осведомленный Дж. Сорос связывает поворот к рыночному фундаментализму в начале 1980-х годов с приходом к власти Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании. Он считает, что их цель была в устранении регулирования и всех форм государственного вмешательства в экономику. Надежда полагалась на свободное движение капитала и предпринимательства, как в рамках отдельных стран, так и в мировом масштабе[17]. Именно в этот период ведущие капиталистические страны освобождают финансовый рынок от национального контроля. Но это породило не только механизмы непрерывной котировки валют. Начал надуваться огромный денежный пузырь, вызвавший нынешний кризис. По данным современного российского исследователя Н. Иванова в последние 20 лет ежегодный объем операций на мировом финансовом рынке вырос с 1 млрд долл. до 1200 млрд. долл. За это же время объем торговли товарами и услугами увеличился только на 50%. [18, с.5]. Финансовые спекулянты могли за короткое время наживать огромные состояния и обрушивать валюты государств и целых групп государств. Примером этого является деятельность неоднократно упоминавшегося мной Дж. Сороса. Кроме этого, крупный бизнес нашел эффективный способ уменьшения социальных издержек. Имею в виду оффшоры, социологический анализ которых еще впереди. Сейчас через оффшорные компании «оптимизирует» свои налоговые затраты не только крупный, но и средний бизнес. Например, в Украине, чей бюджет крайне нуждается в поступлениях для борьбы с последствиями кризиса, по данным Государственной налоговой администрации в 2008 г. в оффшоры было выведено 12 млрд. грн. [19, с.40]. Все страны страдают от оффшоров. Их коррумпизирующее влияние ощущается во всем мире. В общественном сознании развитых стран вред оффшоров хорошо отрафлексирован. Достаточно вспомнить роман Джона Гришэма «Фирма». В принципе, развитые страны могли бы совместным решением ликвидировать оффшоры. Вряд ли им могли бы противостоять непосредственно страны, в которых располагаются эти финансовые гавани. Однако, наивно думать, что оффшоры – это продукты деятельности государственных машин Бермудских, Багамских или Виргинских островов. Оффшоры – это финансовые институты транснациональной буржуазии. При этом, в начале глобализационных процессов только сверхкрупная буржуазия могла рассматриваться в качестве транснациональной. Сейчас транснациональный характер постепенно принимает и средняя буржуазия. В силу этого все действия развитых государств по отношению к оффшорам носят и в дальнейшем будут носить половинчатый характер. Вряд ли стоит ожидать высадки морских пехотинцев США с целью закрытия оффшорных банков где-нибудь в Белизе или на Маврикии. При этом оффшоры социальной системе США наносят огромный урон и тем

самым представляют угрозу, несопоставимую с угрозой со стороны Ирака времен Саддама Хусейна.

Капитал во всем мире перешел в наступление на права наёмных рабочих. Г. П. Мартин и Х. Шуман приводят данные, что в 1995 г. 4/5 американских рабочих мужского пола зарабатывали в реальном перерасчете на 11% в час меньше, чем в 1973 г. В мире распространилась «работающая бедность» и 1/5 занятых получают заработную плату ниже уровня бедности. Профсоюзы все меньше способны этому помочь. Число их членов неуклонно сокращается. С 1991 г. численность членов Немецкой федерации профсоюзов уменьшилась на 1/5 [20, с.161 - 178]. В Лос-Анжелесе, где наиболее четко проявлялись тенденции постиндустриального развития, тоже стремительно сокращалось число членов профсоюзов (в 1973 г. – 34% наемных рабочих; в 1887 г. – 19%) [21, с.21]. Даже в передовых отраслях производства можно наблюдать возрождение архаических трудовых отношений. Ценными являются свидетельства американских исследователей относительно Калифорнии. Там даже в электронной промышленности на конечных этапах можно наблюдать так называемые “sweat workshops” («потогонные мастерские»), где работают нелегалы. Фактически, здесь можно видеть воспроизводство в одном месте «глобального сборочного конвейера». На нем конечные операции выполняются политически бесправными людьми. Экономическая погоня за прибылью продуцирует даже рабочее рабство, в которое попадают нелегальные мигранты [21, с.37 - 39]. Нынешний кризис во всем мире используется работодателями для нового давления на людей наемного труда, что является продолжением общей тенденции. Все это дает основание для заключения, что глобализация в её нынешней форме должна быть признана классовым проектом транснациональной буржуазии.

Следует обратить внимание на один парадокс, связанный с современной социальной формой глобализации. До возникновения современного глобализационного дискурса в мировом интеллектуальном сообществе велся дискурс о глобальных проблемах [22]. Осознание природы этих проблем было осознанием единства судьбы человечества по факту планетарного характера негативных последствий коллективной человеческой деятельности. Ученые еще в первой половине XX века пришли к выводу, что совокупная человеческая деятельность приобрела мощь, превышающую мощь геологических процессов. Ответом на это стала теория «ноосферы» Пьера Тейяра де Шардена и Владимира Вернадского. Она призвана была указать ориентиры для превращения человечества из фактора негативного антропогенного давления на биосферу в фактор её позитивной эволюции. Первым видом позитивной подлинно глобальной деятельности стало освоение околоземного космического пространства. Космонавтика рассматривалась как проявление антифиналистской тенденции в развитии человечества. Однако, мировая капиталистическая система адаптировала все эти достижения под себя. Глобализация как торжество рынка, вырвавшегося за сдерживающие рамки национальных государств, отбросила все благодушные надежды ученых-гуманистов. Сейчас вместе с В. Даниловым-Данильяном можно только констатировать, что еще никогда в истории человечества не возникало такого гигантского разрыва между масштабом проблемы предотвращения биосферной катастрофы и возможностями её решить [23, с.15].

Утомительно привычными стали констатации, что промышленное развитие Бразилии сопровождается уничтожением влажных тропических лесов, являющихся «зелеными легкими планеты», что тают вековые льды в Антарктиде, что обеспеченность мировой добычи газа сократилась с 42,3 лет до 42 лет [24, с.17]. Глобализация, будучи генетически в своих технологических аспектах связанной с попытками решить глобальные проблемы, знаменовала отступление с этого пути. Транснациональная буржуазия все эти технологические достижения использовала для минимизации своих производственных и социальных издержек. Частичная прагматическая рациональность в этом процессе одержала верх над сущностной рациональностью выживания человечества. Прав Ж. Сапир, когда пишет: «Экономисты “мейнстрима” не учитывают того, что

создаваемое рынком “рациональное” поведение не обязательно отвечает долговременной стабильности и росту. Рыночная рациональность согласуется только со средой, которую создает данный рынок, в данное время и ни с чем иным»[3, с.80]. Рынок – не тот институт, с помощью которого можно решать космическую судьбу человечества. Таким образом, нынешняя глобализация как классовый проект оказалась еще и проявлением крайнего эгоизма и социальной неадекватности своего коллективного носителя.

Глобализация не предполагала решение проблемы социальной справедливости. Страны бывшего Советского Союза и мировой социалистической системы, за небольшими исключениями (Россия, Китай), проделали путь с полупериферии мировой капиталистической системы на её периферию. Э. Либанова приводит данные, что в Украине с 1999 г. в структуре рабочей силы общая доля квалифицированных работников индустриального сектора уменьшилась с 62 до 53%. Вместе с этим, с 16,9 до 24,7% выросла доля представителей простейших профессий, т.е. не требующих квалификации. Также с 10,9% до 13,6% увеличилась доля работников сферы обслуживания и торговли. Она делает вывод: «...За достаточно большой (девятилетний) период экономического роста в структуре занятых уменьшилась доля квалифицированных работников и выросла доля работников низкой квалификации. Такие структурные сдвиги характерны для стран с низким уровнем экономического развития: только там, через перенос ряда производств из экономически развитых стран и в целом сырьевую ориентацию экономики происходят подобные процессы»[25, с.129 - 130]. Теперь уже на своем примере мы смогли узнать, что такое «развитие неразвитости» (А. Г. Франк). Ведь у нас подобные структурные сдвиги происходили в период экономического подъема, а не кризиса.

Подведем первые итоги нашего рассмотрения. Различие точек зрения на глобализацию обусловлено сложностью самого явления и социально-политической позицией авторов. Второй аспект, также продуцирующий понятийное разнообразие, я сейчас рассматривать не буду. По этой же причине я не включил в свой обзор и откровенно ангажированных авторов. Что касается сложности и даже амбивалентности самого процесса глобализации, то разные подходы к его анализу в настоящий момент позволили отразить важнейшие его характеристики. Это дает основание для надежд предложить относительно целостное понимание социального явления глобализации.

Глобализация является следствием развития мировой капиталистической системы и особым этапом в её развитии. Этот этап характеризуется появлением особой социальной группы, которая имеет невиданный ранее характер, – транснациональной буржуазии. Она является главной движущей силой глобализации в её нынешней социальной форме. Именно эта группа в настоящий момент стала главным субъектом накопления капитала, конкурируя с государствами. Представители этой группы, как боги Эпикура, живут в интермундиях, которые они создают для своего комфортного существования, но влияют на весь мир, к которому относятся как к кормовой территории. Думаю, что глобализация вполне может быть описана в терминах мир-системного анализа И. Валлерстайна. Но анализ глобализации требует и некоторых других теоретических шагов.

Глобализация и судьбы проекта модерна

Глобализация не может быть адекватно понята и описана без учета других характеристик современности. Известно, что в социологии современность означает определенную совокупность качеств, присущих общественной системе. В западной социологической литературе для этой совокупности качеств и для периода истории, когда общественная система с этими качествами доминировала как ведущая социальная сила, используется понятие «модернити». Не из любви к иностранным словам, а по причине теоретической ситуации в социологии я буду пользоваться этим термином. Имею в виду и целое движение постмодернизма, которое исходило из посылки завершения проекта

модерна и выхода за пределы современности. Нелепо звучащие термины только подчеркивают теоретическую непроясненность ситуации.

Научному сообществу вообще нужно было бы воспользоваться бритвой Оккама и отсесть все лишние сущности, накопившиеся в период, когда контуры нового мира были абсолютно неясны. Особенно следует поработать оккамовским инструментом, отсекая термины с приставкой «пост-». Негативные определения пользуются крайне дурной славой в логике. В данном же случае о социальных качествах утверждается, что они не такие, какими были до этого. Не вижу каких-то серьезных оснований, чтобы сохранять в научном обиходе все эти «постиндустриализмы», «постэкономизмы», «постмодерны» и пр. Они могут нравиться гуманитариям, как конструкты, отсылающие нас в некую социальную потусторонность, где все будет не так, как в нашем мире. Наверное, пора уже исследовать эту интеллектуальную моду как разновидность утопического сознания. При этом я не буду отрицать, что в работах ученых и философов, называвших себя постмодернистами, могут содержаться ценные открытия.

Начну с установления научного содержания понятия «модерн». Мне представляется, что наиболее четко представление о нем сформулировал Владислав Стёпин. Он исходит из того, что в истории человечества существовало два типа цивилизационного прогресса – традиционный и техногенный. Модерн и является временем господства техногенной цивилизации. Атрибутивным институтом обществ, относящихся к данному типу цивилизационного развития, является наука, как непрерывная деятельность по производству объективно истинных знаний о мире. Автор концепции пишет: «Когда техногенная цивилизация сформировалась в относительно зрелом виде, то темп социальных изменений стал возрастать с огромной скоростью. Можно сказать, что экстенсивное развитие истории здесь заменяется интенсивным; пространственное существование – временным. Резервы роста черпаются уже не за счет расширения культурных зон, а за счет перестройки самих оснований прежних способов жизнедеятельности и формирования принципиально новых возможностей. Самое главное и действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей»[25]. В. Стёпин обращает внимание на то, что впервые ценностью стала сама инновация, вообще новое. Он пишет, что «...возникает тип развития, основанный на ускоряющемся изменении природной среды, предметного мира, в котором живет человек. Изменение этого мира приводит к активным трансформациям социальных связей людей. В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет способы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни. В результате возникает отчетливо выраженная направленность прогресса с ориентацией на будущее»[25]. При таком понимании модерна глобализация никак не выходит за его пределы. Она связана с изменениями в пределах модерна.

Сейчас мы и переживаем один из глубочайших переломных моментов в развитии модерна. Немецкий социолог Ульрих Бек пришел к выводу, что нынешний переход связан с переходом ко Второму модерну[5]. Второй модерн, будучи разновидностью проекта модерна, существенно отличается от Первого модерна. Контуры нового порядка в сравнительной перспективе можно представить следующим образом. Первый модерн (индустриальное общество) базировался на массовом производстве вещей как меновых и потребительских стоимостей с использованием физико-химических технологий. В обществах Второго модерна ведущую роль играют информационные технологии, компьютерная и телекоммуникационная техника, нанотехнологии и геновая инженерия (шестой технологический уклад). Главное значение приобрел человеческий, а не овеществленный капитал. Р. Гринберг таким образом изображает данную тенденцию: «Эволюционный переход к экономике знаний сопровождается постоянным увеличением доли человеческого капитала в общем его объеме. Если в XVII – XVIII вв. удельный вес человеческого капитала в его общей массе не превышал 10%, то уже в начале XIX в. он

увеличился до 33%. Но наиболее существенным в рассматриваемой динамике является то обстоятельство, что, начиная со второй половины XX в., скорость прироста доли человеческого капитала становится наиболее интенсивной. По минимальным оценкам, для стран Запада эта доля в период с 1913 по 1973 г. выросла с 31 до 57%, а уже через четверть столетия достигла почти 70%»[26, с.31].

Шестой технологический уклад не ликвидирует все другие сектора экономики (индустриальную, аграрную и даже присваивающую формы хозяйствования), но значительно их изменяет и преобразует весь дизайн мировой экономики. Мировая экономика утрачивает форму пчелиных сот, где главными элементами были относительно герметичные пространства национальных государств. Сейчас мировая экономическая система структурируется сетями транснациональных корпораций, бирж и банков. Современный экономический порядок – это, прежде всего порядок сетевых структур. Сети в экономике начали формироваться значительно раньше, чем начался переход ко Второму модерну. Но именно сейчас сетевой принцип организации приобрел качественно новые черты. По мощи средств он начал доминировать над территориальным принципом организации социальной жизни. Проблема здесь состоит в том, что все сетевые структуры являются узко специализированными. Большинство из них – это ТНК (по данным UNCTAD сейчас в мире насчитывается около 40 тыс. компаний, имеющих штаб-квартиры более, чем в трех странах) [20, с.154]. В силу этого они выступают носителями узкой экономической рациональности, о которой шла речь. То же самое можно сказать о транснациональных банках. Исключение составляют только некоторые международные организации, прежде всего ООН. Однако ООН является организацией (и в этом плане сетевой структурой), которую создали государства (они реализуют территориальный принцип существования общества). В этом противоречии одна из причин кризисных явлений в ООН.

Экономические структуры коррумпируют государства и другие территориальные формы организации совместной жизни людей. ТНК толкают к тому, что государства превращаются в менеджеров определенных территорий. Эти менеджеры конкурируют между собой за привлечение ресурсов ТНК. Тем самым глобализация меняет саму идею государства. В европейской традиции со времен Аристотеля таковой считалась благая жизнь во всей её полноте. И даже серьезное смещение в понимании государства, связанное с работами Н. Макиавелли, не устранило из самой идеи государственной жизни претензию на регуляцию всей полноты социального бытия. Глобализация превращает государство лишь в одного из агентов, формирующих форму общества.

Глобальные сетевые структуры двумя путями влияют на процессы в рамках территориальных сообществ. Первый путь Ульрих Бек назвал космополитизацией: «...Космополитизация означает *внутреннюю* глобализацию, развивающуюся *изнутри* национальных обществ. Она в значительной мере трансформирует повседневное сознание и идентичность. Проблемы глобального уровня становятся частью повседневного локального опыта и “моральных жизненных миров”»[5, с.25]. Второй путь связан с тем, что «в современном мире право распоряжения уже оказывается практически часто весомее права владения» [27, с.12]. ТНК, действуя на территории тех или иных стран, могут использовать их ресурсы в своих целях, которые могут расходиться с целями соответствующих государств.

Все эти факты позволяют сделать вывод, что глобализация связана с возникновением острого и глубокого противоречия между двумя ведущими институтами западного мира – рынком и демократией. Первый функционирует в соответствии с сетевым принципом, вторая – территориальным[28, с.60]. Пока преимуществ больше у рынка.

Современный кризис демонстрирует, что при столкновении государств с проблемами, вызванными глобализацией, больше шансов не у тех, что построенных по европейскому проекту наций, а у тех, что являются государствами-цивилизациями. В

современном мире последний принцип построения политического единства общества достаточно успешно реализуют Китай и Индия. В Китае истоки такой модели восходят еще ко временам династии Цинь [29, с.207 - 211]. Государством-цивилизацией фактически является и Россия. Некоторые государства только по форме являются государствами-нациями, а реально развиваются по пути государств-цивилизаций. Это относится к США и Бразилии. Это обстоятельство еще требует осмысления, но оно вполне может сделать проект национального государства в мире Второго модерна маргинальным. Масштабным государственным образованиям или цивилизационным объединениям государств (примером может служить ЕС) легче взаимодействовать с сетевыми структурами. Это взаимодействие является более эффективным.

Говоря о сетевых структурах, не следует думать, что они вовсе не «осаждаются» на территорию. Транснациональная буржуазия создала целый архипелаг привилегированных мест, которые являются локусами, приспособленными для её жизни. Например, в Крыму Ялта и Алушта в результате «осаждения» средств преимущественно российской буржуазии сейчас сливаются в причудливый рекреационный мегаполис. Его можно назвать таким же причудливым именем Ялушта. Это не результат развития крымского территориального сообщества, а образованием еще одного островка в архипелаге локусов транснациональной буржуазии.

Глобализация связана с рассогласованием институциональной системы современного общества. Часть институтов приобрела глобальный характер. Это, прежде всего, касается финансовых институтов, институтов международной торговли, институтов электронной коммуникации. Часть институтов продолжают функционировать на уровне государств. Это, прежде всего, большинство политических институтов. Часть же институтов проявляют свою жизнеспособность на региональном уровне. Это во многом касается институтов, обеспечивающих повседневную жизнь простых людей. Последнее связано с одной из фундаментальных характеристик формирующегося мира Второго модерна. Ульрих Бек таким образом дал ее описание: «Современное общество интегрирует человека в свои функциональные системы не как целостную личность, наоборот, оно в гораздо большей степени вынуждено, чтобы индивиды были, как раз не интегрированы, а принимали бы в нем участие лишь частично и эпизодически в качестве перманентных странников среди функциональных миров» [30]. Протестом против такого положения становятся разнообразные коммунитаристские движения. В целом же за структурой национальных государств проглядывает новый порядок мира. Это – мир регионов. Регионы, как более гибкие образования, превращаются в точки сборки институциональных комплексов. Поэтому регионализация не является противоположностью глобализации. Скорее – это другая ипостась единого процесса становления общества Второго модерна.

Все сказанное дает основания заключить, что глобализация, будучи по форме классовым проектом транснациональной буржуазии, обусловлена более фундаментальными сдвигами в общественной жизни. Она является одним из моментов становления информационного общества. Это общество не выходит за рамки проекта модерна, будучи разновидностью техногенной цивилизации. Вместе с тем, Второй модерн существенно влияет на само общество как реальность.

Глобализация и понимание общества

Общество является основополагающей интуицией всех общественных и гуманитарных наук. Вместе с тем, оно выступает сложным объектом для формально-логических определений. Наверное, первый научный подход к определению общества предложил Аристотель. Он писал: «Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» [31, с.378]. Великий греческий философ в этом

определении объединил огромное количество интуиций, которые в европейском теоретическом сознании являются жизненными до настоящего времени. Первой, без сомнения, является интуиция самодостаточности. Исходя из неё, обществом можно назвать только ту человеческую общность, которая способна существовать относительно автономно от других подобных общностей. Для этого она должна также обладать способностью самовоспроизводиться. Такое понимание общества и в наше время используется даже в острых политических дебатах. Так, канадский социолог из этой интуиции выводит возможность существовать в одном обществе (Канада) другого общества (Квебек) [32, с.253 - 258].

Понимание общества как политически оформленной человеческой группы также имело огромные последствия для обществоведения. У Аристотеля это понимание связано с его определением человека как «политического животного», которое по своей природе вообще не может существовать вне государства[31, с.378]. Государство в этом случае рассматривается как совокупность граждан. Гражданин же – это человек, являющийся частью политического целого и вступающий с ним в непосредственные отношения[31, с.444].

И Валлерстайн доказал, что интуитивное отождествление общества с совокупностью граждан в пределах национального государства распространилось в Европе и Северной Америке с XVIII века. Приведу его слова: «совершенно ясно, что на практике как минимум на протяжении двух столетий термин «общество» использовался для обозначения совокупности людей в границах суверенного государства или в тех пределах, которые, на наш взгляд, могут рассматриваться как границы суверенного государства, уже существующие или же только устанавливаемые» [7, с.144]. Американский социолог раскрывает механизмы формирования этого видения общества. Наиболее глубоким процессом было становление самой мировой капиталистической системы, которая в качестве одного из наиболее важных институтов предполагала национальное государство. Эта форма государства и предполагала превращение подданных в граждан. Идеологической формой осмысления и одновременно телеологическим ориентиром была идея народного суверенитета (прежде всего в форме, которую ей придал Ж.-Ж. Руссо). В социологии, которая формировалась как отражение процесса первой модернизации, общности граждан были восприняты как общества *per se*. Но эта фундаментальная интуиция не поддавалась серьезной экспликации. Поэтому термин приобрел многозначность.

В современной социологии ощущается острое неудовлетворение существующим пониманием общества. Таким образом, выражается ощущение каких-то сдвигов в основах социальной жизни. П. Штомпка это ощущение перевел на понятийный уровень, связав его с глобализацией: «Человечество больше не рассматривается как «статистическая совокупность», философская или идеологическая категория; оно приобретает социологическую сущность, превращаясь в социальную целостность, охватывающую всех людей живущих на земле. Сегодня можно говорить о глобальной структуре политических, экономических и культурных отношений, простирающихся за любые традиционные границы и связывающих отдельные общества в единую систему» [33, с.120]. В самом общем виде с этим утверждением можно согласиться. Действительно понятие общества утрачивает только множественное число и приобретает смысл, когда его нужно по отношению к человечеству употреблять только в единственном числе. Правда, при этом нужно учитывать все уже сказанное о социальной форме этого единства.

Однако, безотносительно к нынешней социальной форме, возникшее единство человечества предполагает, что общество теперь автономно только с учетом глобального уровня. Это означает, что и воспроизводство общества предполагает воспроизводственные механизмы глобального асштаба

Было бы большим упрощением заявить, что глобализация переместила все воспроизводственные процессы общественной жизни на планетарный уровень. Картина

возникла значительно более сложная. Эти механизмы стали многослойными. Увеличилась вероятность противоречий и даже конфликтов между этими уровнями.

В связи с этим особую актуальность приобретает аристотелевская интуиция о необходимости политического оформления общества. При осмыслении глобализации для социолога важнейшим становится вопрос: возможна ли глобальная политическая форма? Можно заострить вопрос: мыслимо ли мировое правительство?

Сама возможность этого вопроса говорит о том, что реальности общества Второго модерна серьезно отличаются от социальной ткани Первого модерна. Индустриальное общество предполагало национальные государства. В их пределах происходила первая модернизация, осуществлялось становление национальных рынков, возникли институциональные перераспределительные механизмы, сделавшие возможным общество всеобщего благоденствия. Становление Второго модерна разрушительно влияет на национальные государства. Они теряют ряд регулирующих функций и оказываются бессильными перед угрозами глобализации.

Пожалуй, первым резкий и однозначный ответ на этот вопрос дал основатель Римского клуба Аурелио Печчеи: «...Национальный суверенитет представляет собой в век глобальной империи человека главное препятствие на пути к его спасению» [34, с.225]. Он отталкивался от своего личного опыта предпринимателя и политического деятеля. Именно это дало ему основания сделать заключение о «...явной неэффективности старой системы двусторонних отношений перед лицом мировой проблематики» [34, с.234]. Мы могли убедиться, что эта неэффективность за прошедшие десятилетия только усугубилась. Аурелио Печчеи видел выход в создании глобального сообщества. Глобальность для него превратилась просто в символ веры: «...Только глобальный подход – понимая глобальность в том её значении, о котором я говорил выше, - может обеспечить путь к решению проблем, стоящих перед человечеством» [34, с.265]. Наверное, это чрезмерно односторонние и прямолинейные умозаключения. Но нужно отдать должное мужеству их автора. Он не побоялся обвинений в непатриотизме, в пропаганде мондиализма и пр. Однако его идеи могли быть использованы лишь как отправные точки для дальнейших размышлений.

Наиболее полно на настоящий момент эти идеи разработал Богдан Гаврилишин. Он также исходит из необходимости поиска формы единства человечества: «Существуют серьезные причины, которые заставляют нас выдвигать определенные идеи и готовить первые наброски, если не проекты, будущего мирового строя» [35, с.196]. Он проанализировал возможные альтернативы этому пути. Одни из них ведут к гарантированному всеобщему уничтожению, другие – к полной дезинтеграции мира. Ни один из них не сулит решения глобальных проблем. «Путем исключения маловероятных вариантов приходим снова к идее «мирового строя» как нашего наиболее вероятного будущего и в далекой перспективе неотвратимого. XXI век должен увидеть его основные контуры и, возможно, даже определенную форму» [35, с.200]. Богдан Гаврилишин считает, что главными препятствиями на пути становления глобального общественного строя являются: индивидуалистические конкурентные ценности, демократия, построенная по принципу противовесов, и свободное несогласованное предпринимательство.

Богдан Гаврилишин определил и основные характеристики нового общественного строя: культурный и религиозный плюрализм; сотрудничество при власти, её коллегиальный характер; федеративный характер политических институций; представительская демократия на высших уровнях сосуществует с прямой демократией на низших уровнях, что обеспечивает широкое участие граждан в принятии решений [35, с.200 - 201]. Такому политическому строю соответствуют групповые кооперативные ценности: «Неминуемым и вероятным представляется распространение и утверждение групповых кооперативных ценностей, которые позволяют человеку приспособиться к соотечественникам, сохраняя индивидуальность, подчиняя себя определенным общим целям и высшим приоритетам, не прибегая к физическому принуждению,

регламентированных законодательных правил, громоздкого благотворительного бюрократического аппарата» [35, с.203]. Для экономики в этих условиях «определенная форма согласованного свободного предпринимательства, которая сохраняет динамизм частной инициативы, автоматические регулятивные механизмы рынка и, кроме того, создаёт такие условия, при которых даже частная собственность служит единой общественной цели, является наиболее жизнеспособной моделью» [35, с.204].

Эти выводы из глобализационных процессов не были приняты какими-либо правительствами или мощными политическими силами. Более того, сейчас много сделано для дискредитации этих идей Римского клуба. Идея мирового правительства представлена как идея своекорыстного заговора. В массовом сознании Римский клуб попал в один разряд с масонами и прочей мировой закулисой.

Между тем глобализация, будучи связанной с новой формой реального существования общества как человечества, с неизбежностью будет толкать к обсуждению этих идей. Сама логика разворачивания процессов, содержащая невероятные по разрушительной силе риски, будет толкать к координации усилий на глобальном уровне. Такую координацию не по силам осуществить одной, даже очень мощной стране. Необходим общественный договор в рамках всего человечества. Но ему мешает нынешняя форма глобализации. Это противоречие в ближайшей перспективе будет толкать то к попыткам вернуться к противодействию негативных последствий глобализации на национальном уровне через усиление государственной мощи, то к созданию замкнутых клубов развитых государств. Но в далекой перспективе сама задача выживания человечества вновь поставит вопрос о достижении его политического единства. Это единство не может быть достигнуто в известных сейчас формах. Это не может быть всемирное государство. Ведь мировой политический строй должен включать несколько уровней: глобальный, цивилизационный, национальный, региональный и локальный. Как их совместить в жизнеспособное целое сейчас никто не может сказать. Это и является одной из важнейших задач научного поиска.

Литература

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. – М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006. – 874 с.
2. Soros G. The worst market crisis in 60 yatars//<http://www.ft.com/cms/24f73610> (Published: January 22, 2008).
3. Сапір Ж. Наскільки тяжко, наскільки довго? (Спроба прогнозування глибини і тривалості кризи) // Економіка України. – 2008. - №10. – С. 73 – 93.
4. Гіденс Е. Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя / Пер. з англ. Поліщук Н. П. – К.: Альтерпрес, 2004. – С.100 с.
5. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Том IV. - №1. – С.24 – 53.
6. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М.: Русский Национальный Фонд, 2000. – 381 с.
7. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
8. Валлерстайн І. Глобалізація або вік змін? Довгостроковий погляд на шлях розвитку світової системи // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі Кононов І. Ф. (науковий редактор), Бородачів В. П., Топольськов Д. М. – Луганськ: Альма-матер – Знання, 2002. – С. 49 – 66.
9. Основи демократії. Навч. посібник для студентів вищ. навч. закладів / За заг. ред. А. Колодій. – К.: Вид-во «Ай Бі», 2002. – 684 с.

10. См.: Кутуев П. Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская парадигма Андре Гундера Франка // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. - №2. – С.17 – 35.
11. Спайбі Т. Європейські національні держави і глобалізація // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі Кононов І. Ф. (науковий редактор), Бородачів В. П., Топольськов Д. М. – Луганськ: Альма-матер – Знання, 2002. – С. 67 – 79.
12. Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Пахомов Ю. Н., Крымский С. Б., Павленко Ю. В. И др. Под ред. Пахомова Ю. Н. – К.: Наукова думка, 2002. – 632 с.
13. Арсеєнко А. Глобалізація: соціальні зміни і наслідки напередодні ХХІ століття // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1999. - №1. – С. 42 – 58.
14. Валлерстайн И. Модернизация: мир праху её // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. - №2. – С.21 – 25.
15. Thernborn G. Introduction. From the Universal to the Global // International Sociology. – 2000. – Vol. 15 (2). – P. 149 – 150.
16. Еляков А. Д. Интернет – тотальная угроза обществу // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. - №11. – С. 92 – 98.
17. Сорос Дж. Разоренье: почему рынки не могут регулировать себя сами // Вестник Европы. – 2002. - №6 // <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/sor-pr.html>
18. Глобалізація і Росія (Круглий стіл) // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. - №9. – С.3 – 25.
19. Бироваш М. Сделали выводы. Отечественный бизнес массово выводит капиталы в офшоры. Доллары меняют прописку в украинских городах на Кипр, Панаму и Гонконг // Корреспондент. – 2008. - №48. – С. 38 – 41.
20. Мартин Г. – П., Шуман Х. Западня глобалізації. Атака на процвітання і демократію / Пер. с нем. – М.: Издательский дом «Альпина», 2001. – 335 с.
21. Regions That Work. How Cities and Suburb Can Grow Together / Pastor M.Jr., Dreier h., Grigsby III J. T., López-Garza M. – Minneapolis: Published by the University of Minnesota, 2000. – P.263.
22. См.: Социализм и прогресс человечества: Глобальные проблемы цивилизации / Под общ. ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 447 с.
23. Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества? // Вопросы философии. – 1998. - №8. – С. 15 – 25.
24. Сергеев П. А. Проблемы мировой энергетической безопасности // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. - №12. – С.15 – 25.
25. Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М., 1999.// <http://www.philosophy.ru/library/stepin/index.html>
26. Грінберг Р. Держава в економіці знань // Економіка України. – 2008. - №10. – С.28 – 39.
27. Косолапов Н. А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. - №7. – С.3 – 14.
28. Кононов І. Соціологія і проблеми просторової організації суспільства століття // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. - №4. – С.57 – 78.
29. Васильев Л. С. История Востока. В 2т. – Т.1. – М.: Высшая школа, 1998. – 495 с.
30. Бек У. Современная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобалізація і політика // http://www.soc.pu.ru/publications/pts/bek_3.shtml
31. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х томах. – Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 375 – 644.
32. Denis C. Quebec-as-distinct-society as conventional wisdom: The constitutional silence of Anglo-Canadian sociologist // Canadian Journal of Sociology. – 1993. – №18(3). – P. 251 – 269.

33. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. – М.: Аспект – Пресс, 1996. – 416 с.
34. Печчеи А. Человеческие качества , Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
35. Гаврилишин Б. Дороговкази в майбутнє. До ефективніших суспільств. Доповідь Римському клубові. – К.: Основи, 1993. – 238 с..

(Опубликовано: Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под. ред. Абызгалиева И. И, Ильина И. В. Отв. ред. Шестова Т. Л.. – Вып.3. – М.: изд-во МГУ, 2009. – С.244 – 270).